

© И. М. Моисеенко, Н. В. Мальцева-Замковая, Н. В. Чуйкина

DOI: [10.15293/2658-6762.1906.10](https://doi.org/10.15293/2658-6762.1906.10)

УДК 81'246.2+37.01

Влияние языковой ситуации на изменения обобщенных характеристик языковой личности двуязычных учащихся (русско-эстонский билингвизм), получающих образование на эстонском языке

И. М. Моисеенко, Н. В. Мальцева-Замковая, Н. В. Чуйкина (Таллин, Эстония)

Проблема и цель. В статье рассматривается влияние языковой ситуации, сложившейся в настоящее время в Эстонии, на изменения обобщенных характеристик языковой личности двуязычных учащихся (русско-эстонский билингвизм), получающих образование в школах с эстонским (государственным) языком обучения. Цель статьи – определить изменения, произошедшие в языковой личности учащихся-билингвов за последние 10 лет, в том числе в их лингвистическом развитии.

Методология. Основными методами исследования были анкетирование, сравнительный анализ полученных при анкетировании данных, их статистическая обработка. В качестве инструментов автоматизации были использованы формы и таблицы Google.

Результаты. Выявлены изменения, произошедшие в языковой личности учащихся-билингвов за последние 10 лет, в связи со сложившейся языковой ситуацией.

Заключение. Полученные данные позволяют сделать вывод о сужении сфер функционирования русского языка у данного контингента учащихся, его использовании преимущественно в бытовой сфере, в то же время о расширении сфер применения русского (родного) языка в письменной форме.

Ключевые слова: билингвизм; родной язык; языковая личность; сфера общения; языковая ситуация; лингвистическое развитие; анкетирование.

Моисеенко Ирина Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент Института гуманитарных наук, Таллинский университет.

E-mail: irina.moissejenko@tlu.ee

Мальцева-Замковая Наталья Викторовна – кандидат педагогических наук, эмерит-доцент Института педагогических наук, Таллинский университет.

E-mail: natalia.maltseva-zamkovaja@tlu.ee

Чуйкина Наталия Владимировна – кандидат филологических наук, лектор Института гуманитарных наук, Таллинский университет.

E-mail: natalia.tshuikina@tlu.ee

Постановка проблемы

Билингвизм – актуальное явление для современной Эстонии. Это объясняется демографической ситуацией, которая сложилась в обществе. Население Эстонии составляет 1 315 944 человек¹. Эстонцы составляют 69,87 % населения страны, русские – 25,22 %. Большинство русских проживает в столице и на северо-востоке страны. Так, в Таллине проживает 36,81 % русских. В других регионах их представленность гораздо ниже, например, в университетском городе Тарту проживает 14,61 % русских. Характерной чертой русскоязычного населения новой волны является его сосредоточение в крупных городах. Представители старой русской диаспоры – русские старожилы – проживают в небольших сельских поселениях на востоке, юго-востоке и центре страны (например, в Муствезе, на побережье Чудского озера). Близость таких городов, как Санкт-Петербург и Псков, а также компактность расселения русскоязычного населения благоприятно сказывается на сохранении русского языка в стране. Русский язык в Эстонии не только продолжает функционировать и проявлять определенные территориальные особенности, но и является объектом пристального внимания местных и зарубежных лингвистов [2].

В соответствии со своим статусом русский язык является иностранным. В связи с этим получение высшего образования и трудоустройство без владения государственным

языком в совершенстве являются затруднительными. В такой ситуации многие русскоязычные родители предпочитают отдавать своих детей в учебные заведения с эстонским языком обучения. Зачастую у русскоязычных родителей отсутствуют другие возможности, так как в некоторых регионах страны нет школ с русским языком обучения. Двуязычных детей, с детства владеющих двумя языками, как правило, определяют в такие школы. По данным 2009 г. 3 % от всех учащихся эстонских школ составляли двуязычные ученики². Особенно много двуязычных учащихся в Таллине. Так, в 2009/10 учебном году их было 4,5 % от общего количества учащихся школ с эстонским языком обучения, в 2010/11 – 3,8 %, в 2011/12 – 3,8 %, в 2012/13 – 3,3 %, в 2013/14 – 3,25 %. Возможно некоторое уменьшение количества двуязычных учащихся в таллинских школах связано с открытием классов языкового погружения и улучшением качества преподавания эстонского языка в русских школах³. Однако как показывают данные анкетирования 2019 года, количество двуязычных учащихся в школах Эстонии значительно (не менее 2 учеников в каждом классе, в некоторых классах до 16 учеников).

По данным 2009 г. ученики в разной степени владели двумя языками, поскольку начали его изучать в разное время – с 3-го, 6-го или 10-го класса, а также это зависело от языка общения в семье (только на русском языке, на русском – с одним из родителей или

¹ Согласно информации Департамента статистики Эстонской Республики, изложенной на официальном сайте: <https://www.stat.ee/34267>. Там же представлены данные и о национальном составе.

² Замковая Н. В., Моисеенко И. М., Чуйкина Н. В. Ситуация распространения русско-эстонского двуязычия в школах с эстонским языком обучения //

Kultuuride dialog – võimalus või paratamatus? Dialogue of cultures – possibility or inevitability? – Tallinn: Tallinna Ülikooli Kirjastus, 2009. – С. 266–287.

³ Моисеенко И. М., Замковая Н. В. Нарушение языковых норм в письменной русской речи двуязычных учащихся, получающих образование на эстонском языке // "Я" и "Другой", свое и чужое в культуре Эстонии. – М.: Наука, 2015. – С. 132–143.

бабушкой/дедушкой). Их владение двумя языками характеризовал разный тип билингвизма: смешанный и чистый (по соотносительности речевых механизмов), естественный и продуктивный в результате полного погружения в иноязычную среду обучения. Ограниченность использования русского языка в семье зачастую приводила к распространению заместительного двуязычия (subtractive bilingualism), при котором иногда происходит вытеснение языка меньшинства.

За последнее время появилось значительное количество работ, посвященных проблеме билингвизма и языкового развития учащихся-билингвов как на русском [3; 4; 5], так и на иностранных языках [17; 20]. Несмотря на то что традиционно под билингвизмом рассматривается владение двумя языками, на практике все чаще отмечается попеременное использование трех языков: отца, матери и государства проживания [21]. Также в качестве третьего языка может выступать ставший международным языком общения английский, который довольно регулярно становится источником для смешения кодов⁴. Отдельно сле-

дует отметить пристальное внимание к вопросам, связанным с плюрилингвизмом в странах Балтии, где наряду с чертами сходства в овладении языками проявляются и многочисленные различия⁵.

В Эстонии проблема двуязычия также активно изучается, о чем свидетельствуют многочисленные публикации⁶. Исследования посвящены как русско-эстонскому билингвизму, так и более редким вариантам, эстонско-русско-украинскому [6] и испано-эстонскому [19].

Изучение языковой личности рассматриваемой группы учащихся кажется авторам статьи актуальным в связи с постоянным ростом их количества в школах с эстонским языком обучения. Такое исследование будет дополнять те многочисленные данные, которые получены учеными, за последние двадцать лет.

Результаты социолингвистического исследования могут зависеть от языковой политики конкретной семьи (FLP, family language policy, см. напр., [14]), т. е. от итоговых целей трансмиссии, определяемых в каждом отдельном случае индивидуально. Таким образом, единой модели для формирования языковой и

⁴ Verschik A. English-Estonian code-copying in blogs: combining a contact linguistic and cognitive approach // *Cognitive Contact Linguistics*. – Berlin-Boston: De Gruyter Mouton, 2019. – P. 51–80. DOI: <https://dx.doi.org/10.1515/9783110619430>

⁵ А также: Rannut M., Vasiljeva I., Zabarskaite J. Multilingualism in the Baltic States // *Everyday Multilingualism. Lebensweltliche Mehrsprachigkeit*. Eisenstadt: Hirsch, 2008. – P. 157–165;

Lazdiņa S., Heiko F. Multilingualism, Language Contact and Majority-Minority Relations in Contemporary Estonia, Latvia and Lithuania // *Multilingualism in the Baltic States: Societal Discourses and Contact Phenomena*. – Palgrave Macmillan UK, 2019. – P. 1–25. DOI: <https://dx.doi.org/10.1057/978-1-137-56914-1>

⁶ См., напр., Gaitšenja O. *Venekeelsete eesti keele õppijate kirjutamisprotsess*. – Tallinn: Tallinna Ülikooli kirjastus, 2019. – 255 с.

Moissejenko I., Zamkovaja N., Tshuikina N. Language Use among Bilingual Students in Different Sociolinguistic Conditions (Russian-Estonian Bilingualism) // *Studia humaniora et paedagogica collegii Narovensis*. – 2012. – Vol. 4. – P. 69–77.

Моисеенко И. М., Замковая Н. В. Нарушение языковых норм в письменной русской речи двуязычных учащихся, получающих образование на эстонском языке // "Я" и "Другой", свое и чужое в культуре Эстонии. – М.: Наука, 2015. – С. 132–143.

Чуйкина Н. В., Моисеенко И. М., Мальцева-Замковая Н. В. Социально-педагогический аспект в работе с билингвами (русско-эстонский билингвизм) // *Экология родного языка и культуры*. – М.: Наука, 2014. – С. 137–144.

культурной идентичности нет. Современные подходы к изучению мультилингвизма позволяют говорить о феномене нового носителя языка (*new speaker*) по отношению ко второму языку L2 [12; 13], что, в свою очередь, приводит к необходимости рассмотрения закономерностей использования родного языка L1 с точки зрения лингвоэкологии [10]. Современные педагогические технологии способствуют развитию билингвизма посредством применения транслингвальных практик в процессе организации учебного процесса [8].

С другой стороны, особенности развития речи билингвов необходимо изучать и с точки зрения социально-прагматического подхода. Как известно, речевое развитие мультилингвов не равно сумме речевого развития на каждом из языков, которыми они владеют. Можно предположить, что уровень владения каждым из языков зависит от влияния структурных и социальных факторов, о которых писал Майкл Томаселло в связи с изучением истоков человеческого общения⁷. Этот подход находит применение и при изучении языковых контактов [16], среди которых особое место занимает вопрос переключения кодов для двух языков [22].

В рамках исследований по билингвизму особое место занимают также работы, посвященные так называемому эритажному (унаследованному) языку, первоначальным объектом изучения выступала речь взрослых [15], однако этот термин можно применить и к языку детей и школьников, если он отличается от языка, на котором говорит большинство в окружающей их среде [12]. В отличие от де-

тей-монолингвов, билингвы-носители эритажного языка постоянно вынуждены решать вопрос о выборе языковой модели – и это должно становиться предметом отдельного исследования [18] вплоть до описания конкретных переносов лингвистических образцов, что позволит решить и дидактические проблемы [9].

Очевидно, что необходимость решения подобных задач отражается на общей склонности билингвов к креативности, и не только в применении к языку [7]. Однако в некоторых случаях языковое поведение исследуемой группы демонстрирует различную степень трансмиссии явлений одного языка в другой в зависимости от того, к какому поколению принадлежат респонденты, и от условий контекста [11].

Языковая ситуация, контекст, как известно, может изменяться. На них оказывают влияние различные факторы, что, в свою очередь, обуславливает наличие тех или иных характеристик языковой личности. Поэтому авторы данной статьи ставят своей целью проанализировать те изменения в языковой личности учащихся-билингвов (русско-эстонский билингвизм), которые произошли за 10 лет.

Методология исследования

Для выявления обобщенных характеристик языковой личности учащихся-билингвов было проведено социолингвистическое исследование. Понятие *языковой личности* рассматривалось нами в связи с проводимым ранее исследованием⁸. Повторимся лишь, что для нас особенно важно мнение Ю. Н. Караулова [1] о

⁷ Tomasello M. Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition. – Cambridge, MA, US: Harvard University Press, 2003. – 388 p. URL: <https://psycnet.apa.org/record/2003-00574-000>

⁸ Замковая Н. В., Моисеенко И. М., Чуйкина Н. В. Обобщенные характеристики языковой личности двуязычных учащихся (русско-эстонский билингвизм), получающих образование на эстонском языке // Problems of Education in the 21st Century. – 2011. – № 30. – С. 133–147.

том, что языковая личность является той сквозной идеей, которая пронизывает все аспекты изучения языка и в то же время разрушает границы между дисциплинами, изучающими ее вне языка. Мы рассматриваем языковую личность как человека, который реализует себя в речевой деятельности: при этом в ней проявляется национальный характер и индивидуальные особенности. Уровневая модель языковой личности (вербально-семантический, когнитивный, прагматический уровни), разработанная Ю. Н. Карауловым, отражает обобщенный тип личности. Обобщенная языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма множества речевых личностей, которые отличаются разной значимостью каждого уровня в их составе. При этом содержание языковой личности представлено следующими компонентами: 1) ценностный, мировоззренческий, т. е. система ценностей, или жизненных смыслов; 2) культурологический, т. е. уровень освоения культуры; 3) личностный, т. е. индивидуальные особенности.

При проведении исследования были использованы следующие методы:

– анкетирование, с помощью которого выявлялись биографические данные, этническая и лингвистическая самоидентификация, сферы применения языков, самооценка владения языками, оценка процесса обучения русскому языку в школе такими учащимися, наличие двуязычных учащихся в классе, язык общения между двуязычными учащимися. Анкетирование проводилось весной 2019 г. в разных регионах Эстонии, отличающихся степенью распространения русского языка. Общее количество анкетированных составило

50 человек. Результаты исследования сравнивались с данными, полученными в 2009 г. В предыдущем исследовании приняло участие 217 человек. Сразу же оговоримся, что многие вопросы анкеты предполагали множественный выбор;

– сравнительный анализ полученных при анкетировании данных;
– интерпретация полученных данных;
– статистическая обработка полученных данных.

В качестве инструментов автоматизации в исследовании были использованы формы Гугл (Google Forms) и таблицы Гугл (Google Sheets). В приложении Формы Гугл (Google Forms) была составлена анкета, которую участники могли заполнить в электронном виде⁹. Результаты опроса были импортированы в электронном виде для дальнейшего анализа.

В приложении Таблицы Гугл (Google Sheets) были составлены сравнительные таблицы для анализа.

Так как количество опрошенных в разные периоды отличалось, то данные опросов были переведены автоматически в процентное отношение. Для этого были применены соответствующие формулы.

Также приложение Таблицы Гугл (Google Sheets) было использовано для составления сравнительных графиков, приведенных в статье.

Результаты и обсуждение

Первая часть исследования проводилась в рамках проектов «Эстонский текст в русской культуре. Русский текст в эстонской культуре» (2008–2013, руководитель профессор И. Белобровцева), «Русский ребенок в эстонской школе» (2009, руководитель лектор

⁹ С анкетой можно ознакомиться по ссылке:

<https://forms.gle/iGhc66pahkcfydm26>

Н. Чуйкина). За эти годы были собраны данные, позволяющие судить об основных обобщенных характеристиках языковой личности данной группы учащихся, с которыми можно ознакомиться в публикациях авторов¹⁰. Были рассмотрены пять аспектов изучения учащихся-билинггов в соответствии с целями исследования:

- статистические данные и их интерпретация;
- социолингвистические особенности учащихся-билинггов;
- этническая самоидентификация билинггов;
- лингвистическое развитие двуязычных учащихся, в том числе их затруднения;
- обучение русскому языку учащихся-билинггов (методический аспект).

К работе в рамках проекта были привлечены молодые исследователи, основными направлениями работ которых были:

- языковое развитие двуязычного учащегося в эстоноязычной образовательной среде;
- образовательные и психологические проблемы русскоговорящих детей в школе с эстонским языком обучения;
- возможные формы работы с учащимися-билингвами¹¹.

С учетом выявленных проблем был разработан курс «Двуязычие и родной (русский) язык для будущих учителей русского языка, который проводился в Таллиннском университете¹².

Полученные данные позволили выявить ключевые проблемы, связанные с обучением таких учащихся, прогнозировать их образовательные потребности.

Повторное анкетирование для выявления динамики было проведено весной 2019 года. Тематически все вопросы анкеты можно разделить на четыре блока.

Вопросы первого блока были нацелены на выявление биографических данных, этнической и лингвистической самоидентификации.

В анкетировании приняли участие учащиеся 2000–2002 гг. рождения, т. е. учащиеся 10–12 классов.

Как показывают результаты анкетирования, все респонденты родились в Эстонии, в основном в столице Эстонии Таллинне – 64 %, а также в Пылва, Тарту, Хаапсалу, Кунда, Пярну, Кохтла-Ярве, Раквере, Вильянди. Последние 10 лет они проживают в основном в месте своего рождения, и лишь трое меняли место жительства: двое переехали в столицу, а один ученик, наоборот, переехал в пригород Таллинна. Преимущественно учащиеся не меняли школу, а если и меняли, то в пределах одного города.

В предыдущем опросе также принимали участие респонденты из разных регионов Эстонии, здесь родившиеся, однако некоторые из них меняли место жительства много раз (Арабские Эмираты – Бахрейн – Хельсинки –

¹⁰ Список публикаций можно найти в статье авторов «Исследование языковой личности билинггов (русско-эстонское двуязычие) в рамках проекта «Я» и «Другой», «Свой» и «Чужой» в культуре Эстонии» // «Я» и «Другой», свое и чужое в культуре Эстонии. – М.: Флинта, Наука, 2015. – С. 144–164.

¹¹ Написанные студентами работы хранятся в библиотеке Таллиннского университета, с их списком можно ознакомиться по ссылке в предыдущем комментарии.

¹² Подробнее с содержанием курса можно ознакомиться: Моисеенко И. М., Мальцева-Замковая Н. В., Чуйкина Н. В. Курс «Двуязычие и родной (русский) язык» в процессе подготовки учителей русского языка // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. – 2017. – Том 14, №2. – С. 330–333. DOI: [10.22363/2312-8011-2017-14-2-330-333](https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-2-330-333) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29896688>

Таллинн; Санкт-Петербург – Берлин – Мюнхен – Раквере; Таллинн – Пекин – Таллинн; Хаген (Германия) – Таллинн).

Выявление этнической самоидентификации двуязычных (русско-эстонское двуязычие) учащихся в условия обучения в эстонской школе являлось одной из целей исследования. В связи с этим был задан прямой вопрос о самоидентификации, вопросы о родном языке (по собственной оценке), владении языками, языке, используемом в семье, родине родителей, выборе языка обучения, самооценке владения русским языком, владении русским и эстонским языком (в сравнении).

Как показали результаты анкетирования, 36 % опрошенных считают себя эстонцами, русскими – 24 %, одновременно эстонцами и русскими – 16 %, русскими эстонцами – 4 %, украинцами – 4 %, одновременно эстонцами, русскими, немцами – 8 %, а эстонцами, русскими, украинцами – 4 %. 2 человека не отнесли себя ни к одной национальности (ответ: *трудно сказать*).

В сравнении с данными предыдущего опроса больший процент респондентов считает себя эстонцами (36 % в 2019 и 31,6 % в 2009) и соответственно меньший – русскими (24 % в 2019 и 35,1 % в 2009).

На вопрос, почему анкетлируемые относят себя к представителям той или иной национальности, были получены следующие ответы:

– русский/ая или эстонец/ка, т.к. мои родители русские или эстонцы;

– русская, т.к. у меня русские корни, русский язык мой родной язык, мне ближе русская культура;

– эстонец, родился в Эстонии и с рождения имею эстонское гражданство, живу в Эстонии;

– эстонец и русский, потому что живу в семье с двумя национальностями;

– русский, в семье все говорят по-русски, бабушка и дедушка жили в России;

– эстоно-русский, люблю одинаково эстонскую и русскую культуру;

– русский эстонец, во мне играют два места вместе;

– наполовину эстонец и русский, у меня мать эстонка, отец русский;

– эстонка, родилась в Эстонии, первый язык, на котором стала говорить, эстонский;

– наполовину: у меня русские корни, но родилась в Эстонии, родина – Эстония;

– сложно сказать, мне не близка ни одна культура, я везде чужая;

– наполовину русской и эстонкой, но я еще и украинка, живу в Эстонии, считаю себя частью этой страны;

– эстонка, родилась в Эстонии, учусь в Эстонии, владею эстонским языком, один из родителей – эстонец;

– эстонец, гражданин Эстонии;

– считаю себя смешанной: от каждой национальности есть какие-то черты.

Данные предыдущего опроса выявили сходную картину, однако 10 лет назад ответы были более эмоциональны (*люблю русскую культуру и русский язык, горжусь своими корнями и т.п.*), не было таких пессимистичных ответов, как *мне не близка ни одна культура, я везде чужая*.

Один из факторов, влияющий на самоидентификацию, – родной язык (в данном случае выяснялась самооценка анкетлируемых).

В качестве родного русский язык называли 48 % респондентов, эстонский – 24 %, оба языка (эстонский и русский) – 28 %.

По-прежнему этническая самоидентификация анкетлируемых и признание того или иного языка родным зачастую расходятся. Так, эстонский язык считают родным 24 %, а эстонцами себя считают 36 %; русский язык

признают родным 48 % учащихся, а с русскими идентифицируют себя только 24 %, два языка (русский и эстонский) считают родными 28 %, а русскими и эстонцами себя называют 16 %. Несмотря на то что украинским и немецким языками не владеет ни один человек, все же 4 % опрошенных считают себя украинцами и 8 % считают себя одновременно эстонцами, русскими и немцами.

Вероятно, такое расхождение в ответах можно объяснить влиянием языка обучения. Характерно, что на процесс самоидентификации, как показывают результаты проведенного в 2019 г. исследования, оказывает большое влияние такой фактор, как гражданство. Часто респонденты просто не различают понятия гражданство и национальность. Кроме того, для самоидентификации важны родственные отношения и дружеские контакты, место рождения.

На вопрос о том, почему анкетированные считают родным тот или иной язык, получены следующие ответы:

- *говорю с рождения;*
- *владею одинаково;*
- *легче на нем говорить;*
- *домашний.*

Как видно из ответов анкетированных, большинство из них считают родным языком первый язык, на котором они научились говорить, язык, на котором говорят в семье. Уровень владения языком также оказался важным мотивирующим фактором.

В предыдущем опросе также сложилась довольно пестрая картина по этому параметру, однако прослеживается тенденция «укрепления» лидирующей позиции государственного языка.

Как выяснилось, анкетированные владеют и другими языками (кроме русского и эстонского). Это в основном английский, немецкий,

французский языки (так как их возможно изучать в школе), а также в ряде случаев украинский, корейский, итальянский и финский языки. Владение другими языками помогает оценить уровень владения родным языком (языками), лучше почувствовать специфику собственного языка (языков) и культур. Сходные данные были получены также и в предыдущем опросе.

Как выяснилось, только на эстонском языке не говорят ни в одной семье. На двух языках говорят в 28 семьях, домашний язык русский в 20 семьях и в двух семьях говорят на трех языках.

Полученные данные говорят о том, что домашний язык (или один из них), как правило, считают родным, хотя это, как уже было сказано выше, не всегда отражается на этнической самоидентификации. В предыдущем исследовании также обнаружилось «домашнее» двуязычие.

Родина родителей, по результатам анкетирования, все же оказывает определенное влияние на этническую самоидентификацию учащихся. Большинство родителей родились в Эстонии (40 отцов и 38 матерей), всего 8 родителей родились в России, и 12 родителей – в других странах. Практически все родители живут в Эстонии с детства. Примерно то же демонстрируют данные предыдущего опроса.

Следующая группа вопросов была направлена на изучение сфер и ситуаций использования языков, уровня владения ими в оценке самих учащихся.

В результате опроса удалось определить адресатов, с которыми общаются респонденты, и частотность общения с ними. Покажем это в таблице 1.

Таблица 1

Адресаты и частота общения с ними на русском языке

Table 1

Addressees and Frequency of Communication with Them in Russian

Я говорю по-русски	Всегда		Часто		Редко		Никогда	
	2008/ 2009	2019	2008/ 2009	2019	2008/ 2009	2019	2008/ 2009	2019
%								
с мамой	75,21	84	11,97	8	5,98	8	5,13	0
с папой	67,52	76	11,11	16	11,11	8	6,84	0
с бабушкой	74,36	84	9,4	4	4,27	12	7,69	0
с дедушкой	52,14	64	7,69	0	17,09	4	19,66	12
с русскоговорящими родственниками	80,34	84	8,55	16	5,98	0	3,42	4
с эстоноговорящими родственниками	5,98	0	5,13	4	31,62	56	57,26	40
с русскоязычными одноклассниками	30,77	40	28,21	36	21,37	20	19,66	4
с учителями русского языка	30,77	52	32,48	44	25,64	4	11,11	0
с другими учителями	0,85	4	5,98	4	10,26	12	82,91	80
с эстоноязычными друзьями	1,71	0	4,27	4	25,64	56	68,38	40
с русскоязычными друзьями	70,94	64	14,53	28	7,69	8	3,42	4
с тренером, руководителем кружка по интересам	21,37	16	7,69	24	16,24	24	45,3	36

По-прежнему основным адресатом общения на русском языке у билингов являются его ближайшие родственники, русскоязычные друзья и одноклассники (эта цифра заметно увеличилась). Значительное количество учащихся общается по-русски с учителями русского языка (более 50 %, эта цифра также увеличилась), чего нельзя сказать об общении с другими учителями. Менее 50 % респондентов

используют русский язык в общении с тренером или руководителем кружка (эта цифра значительно уменьшилась), что, вероятно, можно объяснить тем, что взрослое население Эстонии с течением времени повышает уровень владения государственным языком. Также были получены данные о том, насколько активно пользуются билингвы теми или иными языками в разных ситуациях общения.

Таблица 2

Ситуации использования респондентами того или иного языка

Table 2

Situations where Respondents Use the Languages

	Эстонский и русский		Русский		Эстонский		Русский, эстонский, английский	
	2008/2009	2019	2008/2009	2019	2008/2009	2019	2008/2009	2019
В магазине	60,68	44	11,11	4	23,08	48	5,13	4
В библиотеке	20,51	20	4,27	4	73,5	76	1,71	0
В транспорте	51,28	32	7,69	12	39,32	44	1,71	12
В школе	57,26	32	0	0	35,9	48	6,84	20
В кругу сверстников	64,1	24	6,84	24	17,95	32	11,11	4
В Интернете	28,21	8	16,24	12	29,91	16	25,64	64

Четыре ученика используют в школе 4 языка (русский, эстонский, английский и французский), и четыре испытуемых пользуются в интернете только английским языком.

Как показывают данные, кроме эстонского, русского и английского языков, несколько учащихся-билингвов используют также другие языки (немецкий и французский) для общения в Интернете и кругу дру-

зей. При этом количество респондентов, общающихся с друзьями по-русски, значительно увеличилось (24%), как и тех, кто говорит на русском языке в магазине. Таким образом, русский язык по-прежнему используется преимущественно в бытовой сфере.

Данные, полученные при анкетировании, позволяют судить о том, что и на каком языке читают респонденты.

Таблица 3

Языковые предпочтения при чтении

Table 3

Language Preferences in Reading

	Только по-русски		В основном по-русски		По-русски и по-эстонски		В основном по-эстонски		Только по-эстонски	
	2008/2009	2019	2008/2009	2019	2008/2009	2019	2008/2009	2019	2008/2009	2019
Художественная литература	6,84	8	3,42	20	19,66	40	32,48	16	37,61	16
Газеты и журналы	5,98	4	9,4	8	46,15	68	24,79	16	13,68	4
Учебная литература	0	0	0	0	15,38	32	37,61	36	47,01	32
Тексты в Интернете	3,42	4	0,85	16	64,96	68	22,22	12	10,26	0

Как видно, учебную литературу читают на русском языке только 32 % от всех опрошенных. Такие каналы получения информации на русском языке, как Интернет, газеты и журналы также продолжают использоваться недостаточно широко. Художественную литературу по-русски читает 68 % учащихся. Процент таких билингвов значительно увеличился.

Полученные данные указывают на то, что затруднения при чтении художественной

литературы возникают, но у значительно меньшего количества учащихся (более чем у 75 % учащихся в 2008/2009 и 60 % в 2019). Большая часть трудностей связана с недостаточным словарным запасом и отсутствием фоновых знаний. 16 % респондентов ответили, что не читают художественную литературу на русском языке.

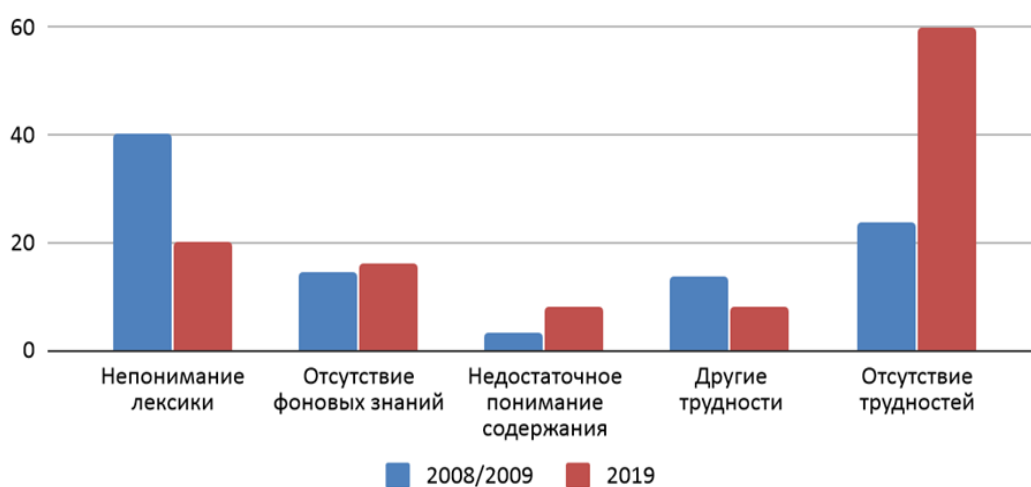

Рис. 1. Трудности при чтении художественной литературы на русском языке

Fig. 1. Difficulties in Reading Fiction Literature in Russian

В Эстонии имеется возможность получения информации на русском языке посредством телевидения и радио, выпускаются радио- и телепередачи на русском языке. На ри-

сунках 2 и 3 приведены данные, которые позволяют судить о том, насколько широко используются такие возможности.

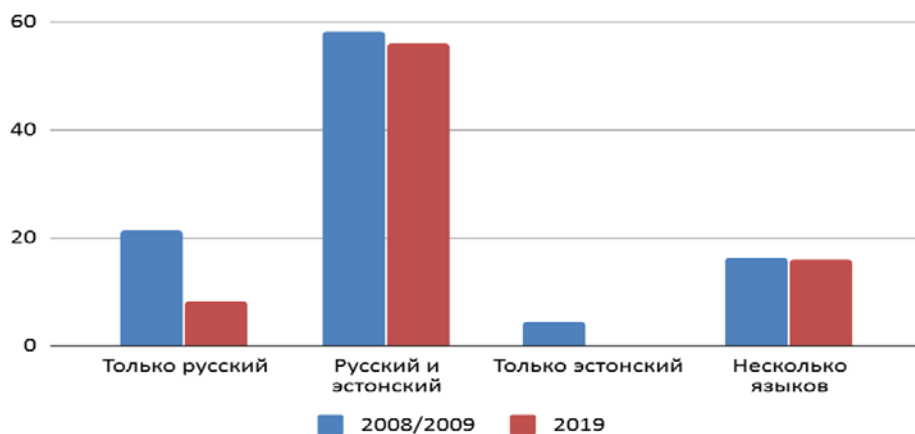

Рис. 2. Языки восприятия информации при просмотре телепередач

Fig. 2. Languages for Information Perception while Watching TV

10 учеников ответили, что вообще не смотрят телевизор. Большинство респондентов смотрят новости, передачи о путешествиях, животных, сериалы, художественные фильмы: комедии, детективы; развлекательные программы, передачи на ETV+, передачу «Голос», юмористические передачи.

Позитивным моментом остается то, что 72 % респондентов смотрят передачи на двух и более языках, в том числе и русском. При этом круг интересов учащихся по-прежнему

довольно широк: им нравятся познавательные, развлекательные, музыкальные, спортивные, новостные, юмористические передачи, фильмы разных жанров. Оказалось, что 8 % респондентов смотрят телевидение только на русском языке, мотивируя это разнообразием передач и их привлекательностью. Некоторые учащиеся смотрят передачи на русском языке вместе с родителями, а на иностранных языках – для «поддержания языка».

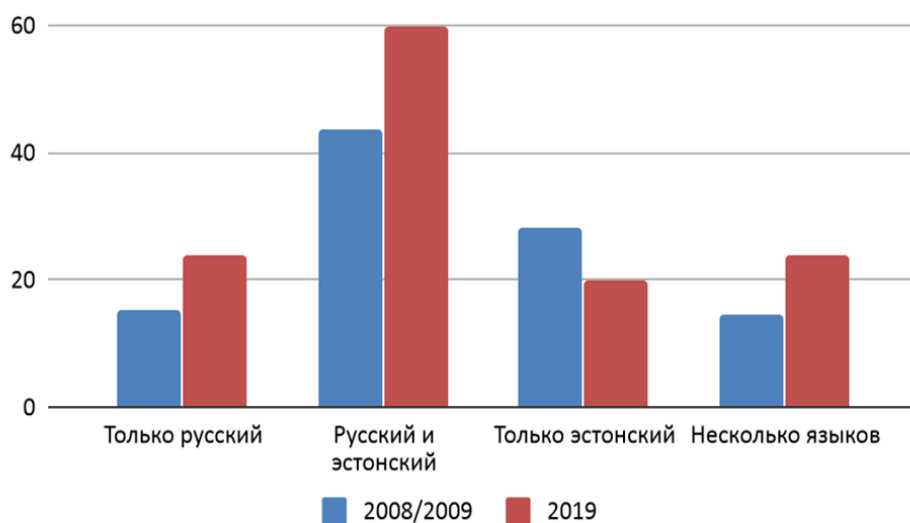

Рис. 3. Языки восприятия радиопередач
Fig. 3. Languages for Perception Radio Shows

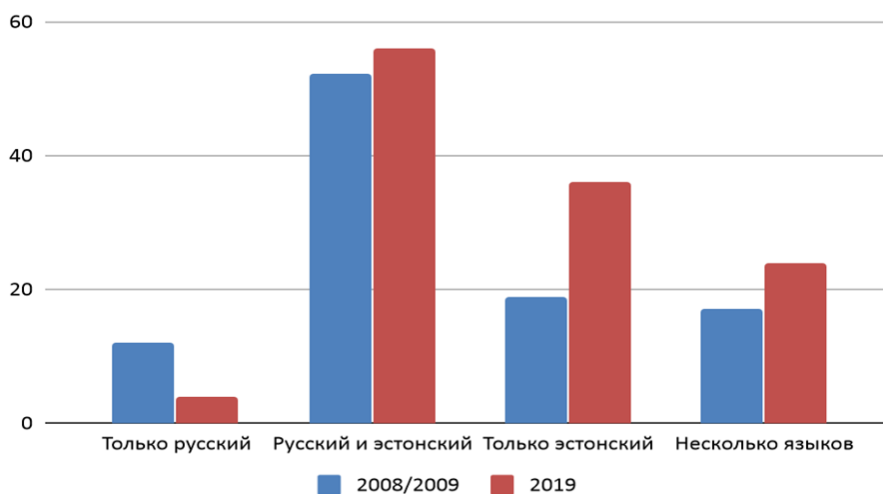

Рис. 4. Языки просмотра постановок и концертных программ
Fig. 4. Languages for Perception Theatre and Concert Shows

В Эстонии есть много возможностей посещать театры и концерты, в том числе смотреть постановки и концертные программы на русском языке. Данные рисунка 4 дают представление о том, на каком языке это делается. В целом наблюдается сходная картина при выборе языка радиопередач в 2008/2009 и 2019 годах. Тот факт, что 20 % предпочитают радиопередачи на эстонском языке, можно, по

всей вероятности, объяснить их более широким диапазоном по сравнению с русскоязычными передачами.

Полученные в 2008/2009 и 2019 годах данные свидетельствуют о том, что респонденты в достаточно полной мере используют имеющиеся возможности: более 80% учащихся посещают представления на разных языках, в том числе и на русском.

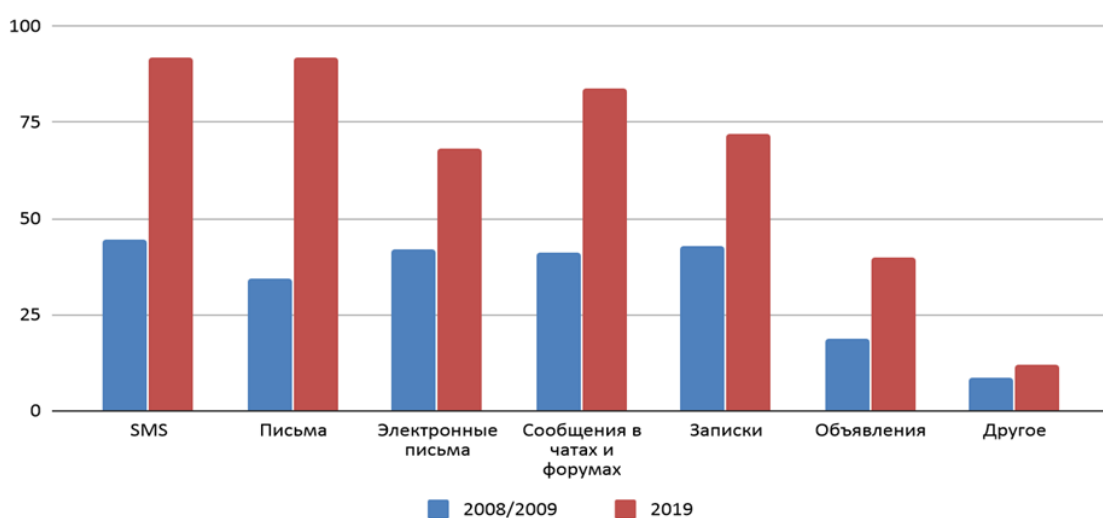

Рис. 5. Жанры письменных текстов на русском языке

Fig. 5. Genres of Written Texts in Russian

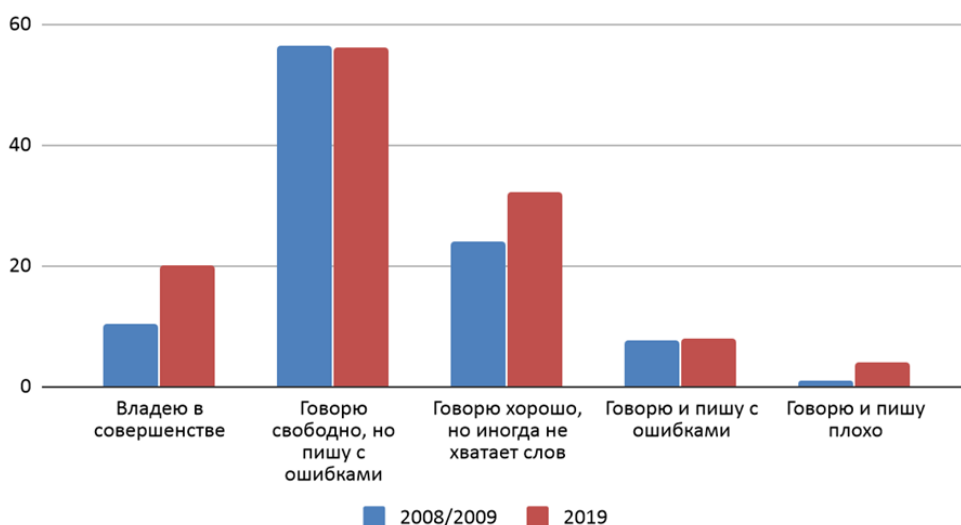

Рис. 6. Самооценка уровня владения русским языком

Fig. 6. Self-Assessment for Level of Russian

Поскольку в ситуациях естественного общения учащимся-билингвам приходится создавать письменные речевые произведения, следующий вопрос анкеты был направлен на выявление наиболее частотных жанров письменных текстов, которые они продуцируют.

По-прежнему учащиеся часто пишут на русском языке SMS, записки, электронные письма, переписываются в чатах и на форумах. Данные говорят о том, что письменная речь – актуальный для респондентов вид речевой деятельности.

Свое владение русским языком учащиеся оценивают следующим образом.

О недостаточно хорошем владении орфографией и каллиграфией можно судить по

качеству заполнения анкет. При том что многие билингвы владеют достаточно хорошо, с их точки зрения, устной формой общения на русском языке, они испытывают значительные трудности при создании письменных текстов: это по-прежнему связано с недостаточностью знаний в области орфографии и пунктуации (56,4 % и 56 % соответственно), небольшим словарным запасом (23,9 % и 32 %). В 2019 г. на владение русским языком в совершенстве указало большее количество респондентов (10,3 % и 20 %), что можно отметить как положительную тенденцию.

В следующей таблице приводится самооценка учащихся владения русским и эстонским языками в сравнительном аспекте

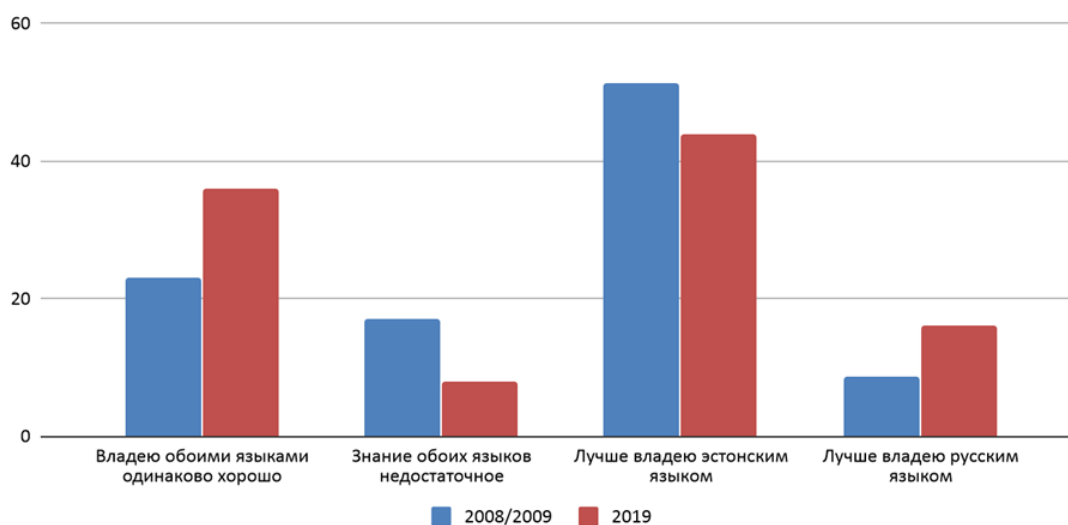

Рис. 7. Сравнительная характеристика владения русским и эстонским языками

Fig. 7. Comparison of Command in Russian and Estonian

Оценивая свое владение русским и эстонским языками, в 2008/2009 г. только 23,1 % учащиеся отмечают, что владеют одинаково хорошо обоими языками, в 2019 г. – 36 %. Больше половины опрошенных считали, что лучше владеют эстонским языком, что объясняется сознательностью его изучения, в 2019 г. – 44 %. Таким образом, больший процент оценивает владение обоими языками как

хорошее, однако значительный процент учащихся по-прежнему лучше владеет эстонским языком. Всего 24 % респондентов лучше владеют русским языком. Следовательно, изначально родной язык в достаточной мере не развивается.

Несмотря на то что учащиеся критически оценивают свое владение русским языком, лишь 5 из них занимались им дополнительно

в 2008/2009 г. Сейчас дополнительно занимаются 4 ученика: один учился в школе с русским языком обучения, у двух были репетиторы, один занимался на курсах.

Целью третьего блока вопросов было выяснение того, насколько учащиеся удовлетворены организацией учебного процесса в школе, преподаванием русского языка. Также был задан вопрос о том, кто выбирал язык обучения в школе и довольны ли гимназисты этим выбором.

Практически во всех случаях языком обучения был выбран эстонский. Лишь в одном случае респондент вначале учился на русском языке, а в гимназии начал обучение на эстонском. Один учащийся отметил, что в его городе просто не было возможности выбора, так как русскую школу закрыли. Анализ полученных данных показал, что решение о выборе языка обучения в основном принималось родителями, как и при анкетировании 2008/2009 г. В исследовании 2019 г. просматривается такое же влияние языка обучения в школе на самоидентификацию, как это было в исследовании 2008/2009 г.

Респонденты оценивают решение родителей об обучении в школе с эстонским языком обучения в основном положительно, как и при проведении предыдущего исследования, больше учеников отнеслись к этому решению

нейтрально. Отрицательный ответ дали в 2009 году 3 учащихся, а в 2019 г. не дал ни один респондент.

В соответствии с полученными данными, процесс обучения проходит для учащихся-билингвов вполне в комфортной обстановке. Отношение к себе других учащихся оценивают в основном как дружеское и нейтральное. Неприязненное отношение к себе не отметил ни один из респондентов. В 2009 г. таких было 4. Отношение к себе учителей учащихся-билингвы оценивают так же.

Если в 2008/2009 г. отношение к процессу обучения русскому языку не нашло однозначной оценки и мнения по этому вопросу разделились: примерно половина учащихся считали, что преподавание русского языка в их школе способствует его сохранению и совершенствованию (54 ответа), а несколько большее количество (56 ответов) думали, что этот процесс не поддерживает его развитие, то в 2019 г. большинство учащихся отметило, что преподавание русского языка в их школе способствует его сохранению (42) и только 6 учеников посчитали, что этот процесс не поддерживает развитие русского языка, 2 ученика не смогли ответить на этот вопрос.

На вопрос, что бы они изменили в преподавании русского языка, учащиеся-билингвы ответили:

2008/2009	2019
<p>Хотели бы заниматься русским языком в отдельной группе по специальному учебнику, изучать русский язык более углубленно. Начинать изучение русского языка они предпочли бы с 1-2 класса с большим количеством уроков в неделю. Были высказаны пожелания больше общаться на уроках, смотреть фильмы, читать книги, применять такие формы работы, как дискуссия, проект. Некоторые респонденты указывают на необходимость больше писать и заниматься грамматикой.</p>	<p>Обращать больше внимания на изучение грамматики, читать больше русской художественной литературы, для русских и эстонцев организовать разные группы, смотреть больше фильмов на русском языке, учить стихотворения наизусть, выполнять групповые и игровые задания, больше практических заданий, обсуждений.</p> <p>Один учащийся предложил всю грамматику изучать в начальных классах, а затем сосредоточиться на расширении словарного запаса, общении и знакомстве с русской культурой.</p>

Как показывают ответы, предпочтения форм работы на уроках русского языка претерпели незначительные изменения.

Характерно, что в 2019 г. многие учащиеся ответили, что их все устраивает и ничего не надо менять.

В анкете 2019 г. был добавлен вопрос, целью которого было пролить свет на количество двуязычных учащихся в классах, что позволяет судить о ситуации в целом. А именно был задан вопрос «Есть ли в вашем классе ученики, которые свободно владеют русским языком? Если есть, то сколько?». Выяснилось, что только в одном классе таких учеников не было. В остальных классах было в среднем по 10 таких учащихся (от 2 до 16). Это свидетельствует о росте количества таких учащихся в школах с эстонским языком обучения.

Интересно также было получить данные о том, на каком языке общаются между собой учащиеся-билингвы в школе и вне школы. Как выяснилось, в школе они общаются в основном по-эстонски (72 %), в ряде случаев – на двух языках (16 %), реже – по-русски (12 %). Вне школы выбирают эстонский язык общения 44 % учеников, два языка – 32 %, русский – 24 %. Таким образом, за пределами школы русский язык также не является предпочтительным для большинства учащихся, что может привести к его утрате или снижению уровня владения им.

Заключение

В современной языковой ситуации в Эстонии билингвы составляют значительную часть. Их языковую личность характеризуют следующие обобщенные черты.

По сравнению с билингвами, принимавшими участие в предыдущем исследовании (2009 г.), современные билингвы преимущественно родились и получают образование в

Эстонии, не выезжая за пределы своего региона. В сравнении с данными предыдущего опроса больший процент респондентов считают себя эстонцами и соответственно меньший – русскими. Мотивируя свою самоидентификацию, современные учащиеся высказываются менее эмоционально, чем их ровесники 10 лет назад. В некоторых случаях они чувствуют себя «чужими» в любой культурной среде. По-прежнему этническая самоидентификация и признание того или иного языка родным зачастую расходятся – вероятно, такое расхождение в ответах можно объяснить влиянием языка обучения. На процесс самоидентификации оказывает также большое влияние такой фактор, как гражданство, чего не было в 2009 г. Кроме того, для самоидентификации важны родственные отношения, дружеские контакты, место рождения. Большинство респондентов считают родным языком первый язык, на котором они научились говорить, также важным оказывается уровень владения языком. Четко прослеживается тенденция «укрепление» лидирующей позиции государственного языка.

На русском языке предпочитают общаться с ближайшими русскоязычными родственниками, друзьями и одноклассниками; количество общающихся с одноклассниками и учителями русского языка на русском языке увеличилось, значительно уменьшилось количество респондентов, общающихся на русском языке с тренерами и руководителями кружков по интересам. Русский язык по-прежнему преимущественно используется в бытовой сфере.

Говоря о языковых предпочтениях при чтении, можно отметить, что современные билингвы стали больше читать художественной литературы на русском языке, однако такие каналы получения информации, как Интернет,

СМИ продолжают использоваться недостаточно широко. Положительным моментом остается то, что три четверти респондентов смотрят телепередачи на двух и более языках, в том числе и русском, и круг их интересов достаточно широк. Что касается радиопередач, то заметна тенденция увеличения количества респондентов, слушающих передачи на русском, на русском и эстонском, а также на других языках. Учащиеся в полной мере используют возможности посещения культурных мероприятий на русском и других языках, как и ранее.

Все более популярным становится письменное общение, в особенности такие жанры как смс, записки, электронные письма, переписка в чатах и на форумах.

Большее количество учащихся высоко оценивает свои навыки общения на русском языке, однако, сравнивая владение русским и

эстонским языком, отмечают более высокий уровень владения вторым. Учебу в школе с эстонским языком обучения оценивают положительно и отмечают позитивное или нейтральное отношение к себе одноклассников и учителей. Тенденцией нашего времени является увеличение количества учащихся-билингвов в школах с эстонским языком обучения, несмотря на наличие в Эстонии школ с русским языком обучения.

Как показали результаты исследования, в обобщенных характеристиках языковой личности учащихся-билингвов можно наблюдать некоторые изменения, которые не являются столь значительными, так как за 10 лет языковая ситуация не претерпела кардинальных изменений. Более показательными, вероятно, были бы результаты мониторинга, проведенного в более отдаленной временной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18836801>
2. **Костанди Е. И.** Русский язык в современной Эстонии: функционирование, изучение, специфика // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2013. – № 1. – С. 7–23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18977614>
3. **Кривошапова Н. В.** Детский билингвизм: проблемы при усвоении русского и болгарского языков // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. – 2017. – Т. 14, № 3. – С. 436–440. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30114239> DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-3-436-440>
4. **Протасова Е. Ю., Родина Н. М.** Многоязычие в детском возрасте. – СПб.: Златоуст, 2005. – 274 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19972945>
5. **Цейтлин С. Н., Чиршева Г. Н., Кузьмина Т. В.** Освоение языка ребенком в ситуации двуязычия. – СПб.: Златоуст, 2014. – 139 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23121475>
6. **Branets A., Bahtina D., Verschik A.** Mediated receptive multilingualism: Etonian-Russian-Ukrainian case study // Linguistic Approaches to Bilingualism. – 2019. – Vol. 9, Issue 1. – P. 1–32. DOI: <https://dx.doi.org/10.1075/lab.17079.ver>
7. **Chen X., He J., Fan X.** Relationships between openness to experience, cognitive flexibility, self-esteem, and creativity among bilingual college students in the U.S. // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. – 2019. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/13670050.2019.1688247>

8. **Duarte J.** Translanguaging in mainstream education: a sociocultural approach // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. – 2019. – Vol. 22, Issue 2. – P. 150–164. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/13670050.2016.1231774>
9. **Hopp H., Putnam M. T., Vosburg N.** Derivational complexity vs. transfer effects // *Linguistic Approaches to Bilingualism*. – 2019. – Vol. 9, Issue 3. – P. 341–375. DOI: <https://dx.doi.org/10.1075/lab.17014.hop>
10. **Karpava S., Ringblom N., Zabrodska A.** Language Ecology in Cyprus, Sweden and Estonia: Bilingual Russian-Speaking Families in Multicultural Settings // *Journal of the European Second Language Association*. – 2018. – Vol. 2, Issue 1. – P. 107–117. DOI: <http://dx.doi.org/10.22599/jesla.41>
11. **Kircher R.** Intergenerational language transmission in Quebec: patterns and predictors in the light of provincial language planning // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. – 2019. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/13670050.2019.1691499>
12. **Kupisch T., Rothman J.** Terminology matters! Why difference is not incompleteness and how early child bilinguals are heritage speakers // *International Journal of Bilingualism*. – 2018. – Vol. 22, Issue 5. – P. 564–582. DOI: <https://dx.doi.org/10.1177/1367006916654355>
13. **O'Rourke B., Pujolar J.** New speakers and processes of new speakerness across time and space // *Applied Linguistics Review*. – 2015. – Vol. 6, Issue 2. – P. 145–150. DOI: <https://dx.doi.org/10.1515/applirev-2015-0007>
14. **Piller I., Gerber L.** Family language policy between the bilingual advantage and the monolingual mindset // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. – 2018. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/13670050.2018.1503227>
15. **Polinsky M., Scontras G.** Understanding heritage languages // *Bilingualism: Language and Cognition*. – 2019. – Vol. 22, Issue 5. – P. 1–17. DOI: <https://dx.doi.org/10.1017/S1366728919000245>
16. **Quick A. E., Verschik A.** Usage-based contact linguistics: An introduction to the special issue // *Applied Linguistics Review*. – 2019. – P. 1–13. DOI: <https://dx.doi.org/10.1515/applirev-2019-0026>
17. **Quick E. A., Lieven E., Carpenter M., Tomasello M.** Identifying partially-schematic units in the code-mixing of an English and German speaking child // *Linguistic Approaches to Bilingualism*. – 2018. – Vol. 8, Issue 4. – P. 477–501. DOI: <https://dx.doi.org/10.1075/lab.15049.qui>
18. **Serratrice L.** What counts as the baseline in child heritage language acquisition? // *Bilingualism: Language and Cognition*. – 2019. – Vol. 1-2. DOI: <https://dx.doi.org/10.1017/S1366728919000518>
19. **Soler J., Zabrodska A.** New spaces of new speaker profiles: Exploring language ideologies in transnational multilingual families // *Language and Society*. – 2017. – Vol. 46, Issue 4. – P. 547–566. DOI: <https://dx.doi.org/10.1017/s0047404517000367>
20. **Swanson H. L., Saez L., Gerber M.** Growth in literacy and cognition in bilingual children at risk or not at risk for reading disabilities // *Journal of Educational Psychology*. – 2006. – Vol. 98, Issue 2. – P. 247–264. DOI: <https://dx.doi.org/10.1037/0022-0663.98.2.247>
21. **Zabrodska A.** Language Strategies for Trilingual Families. Parents' Perspectives // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. – 2016. – Vol. 19, Issue 3. – P. 341–345. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/13670050.2015.1026646>
22. **Verschik A.** Mixed copying in blogs: evidence from Estonian-Russian language contacts // *Journal of Language Contact*. – 2016. – Vol. 9, Issue 1. – P. 186–209. DOI: <https://dx.doi.org/10.1163/19552629-00901008>

Irina Mikhailovna Moissejenko

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
School of Humanities,
Tallinn University, Tallinn, Estonia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2899-4660>
E-mail: irina.moissejenko@tlu.ee

Natalia Viktorovna Maltseva-Zamkovaja

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor Emeritus,
School of Educational Sciences,
Tallinn University, Tallinn, Estonia,
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2377-7344>
E-mail: natalia.maltseva-zamkovaja@tlu.ee

Natalia Vladimirovna Tšaikina

Candidate of Philological Sciences, Lecturer,
School of Humanities,
Tallinn University, Tallinn, Estonia,
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0362-1457>
E-mail: natalia.tshuikina@tlu.ee

Changes in language identity of bilingual students (Russian-Estonian Bilingualism) at Estonian-medium schools under the influence of the language situation

Abstract

Introduction. *The article studies how the current language situation in Estonia has influenced language identity of bilingual students (Russian-Estonian bilingualism) at Estonian-medium schools. The aim of the article is to reveal the changes which have taken place in the linguistic identity and language development of bilingual students for the recent 10 years.*

Materials and Methods. *The main research methods are questionnaire survey, comparative analysis of the obtained data, and their statistic processing. Google Forms and Google Sheets have been used as instruments for automatization.*

Results. *The research findings indicate the changes which have occurred in bilingual students' language identity for the last 10 years influenced by the contemporary language situation.*

Conclusions. *The article concludes that the spheres of the Russian language functioning have decreased among the target group of students. Russian is mainly used in everyday life. However, the use of written Russian has extended.*

Keywords

Bilingualism; Mother tongue; Language identity; Spheres of communication; Language situation; Language development; Questioning.

REFERENCES

1. Karaulov Iu. N. *Russian Language and Language Identity*. Moscow, Nauka Publ., 1987, 261 p. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18836801>
2. Kostandi E. I. Russian in modern Estonia: Functioning, studying, special traits. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 2013, no. 1, pp. 7–23. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18977614>

3. Krivoshapova N. V. Children's bilingualism: Problems of Russian and Bulgarian acquisition. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 2017, vol. 14, no. 3, pp. 436–440. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30114239> DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-3-436-440>
4. Protasova E. Iu., Rodina N. M. *Multilingualism in Childhood*. Saint-Petersburg, Zlatoust Publ., 2005, 274 p. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19972945>
5. Tseitlin S. N., Chirsheva G. N., Kuzmina T. V. *Language Acquisition by a Child in the Situation of Bilingualism*. Saint-Petersburg, Zlatoust Publ., 2014, 140 p. (In Russian) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23121475>
6. Branets A., Bahtina D., Verschik A. Mediated receptive multilingualism: Estonian-Russian-Ukrainian case study. *Linguistic Approaches to Bilingualism*, 2019, vol. 9, issue 1, pp. 1–32. DOI: <https://dx.doi.org/10.1075/lab.17079.ver>
7. Chen X., He J., Fan X. Relationships between openness to experience, cognitive flexibility, self-esteem, and creativity among bilingual college students in the U.S. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2019. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/13670050.2019.1688247>
8. Duarte J. Translanguaging in mainstream education: A sociocultural approach. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2019, vol. 22, issue 2, pp. 150–164. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/13670050.2016.1231774>
9. Hopp H., Putnam M. T., Vosburg N. Derivational complexity vs. transfer effects. *Linguistic Approaches to Bilingualism*, 2019, vol. 9, issue 3, pp. 341–375. DOI: <https://dx.doi.org/10.1075/lab.17014.hop>
10. Karpava S., Ringblom N., Zabrodskaia A. Language ecology in Cyprus, Sweden and Estonia: Bilingual Russian-speaking families in multicultural settings. *Journal of the European Second Language Association*, 2018, vol. 2, issue 1, pp. 107–117. DOI: <http://dx.doi.org/10.22599/jesla.41>
11. Kircher R. Intergenerational language transmission in Quebec: patterns and predictors in the light of provincial language planning. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2019. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/13670050.2019.1691499>
12. Kupisch T., Rothman J. Terminology matters! Why difference is not incompleteness and how early child bilinguals are heritage speakers. *International Journal of Bilingualism*, 2018, vol. 22, issue 5, pp. 564–582. DOI: <https://dx.doi.org/10.1177/1367006916654355>
13. O'Rourke B., Pujolar J. New speakers and processes of new speakerness across time and space. *Applied Linguistics Review*, 2015, vol. 6, issue 2, pp. 145–150. DOI: <https://doi.org/10.1515/applirev-2015-0007>
14. Piller I., Gerber L. Family language policy between the bilingual advantage and the monolingual mindset. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2018. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/13670050.2018.1503227>
15. Polinsky M., Scontras, G. Understanding heritage languages. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2019, vol. 22, issue 5, pp. 1–17. DOI: <https://dx.doi.org/10.1017/S1366728919000245>
16. Quick A. E., Verschik A. Usage-based contact linguistics: An introduction to the special issue. *Applied Linguistics Review*, 2019, pp. 1–13. DOI: <https://dx.doi.org/10.1515/applirev-2019-0026>
17. Quick E. A., Lieven E., Carpenter M., Tomasello M. Identifying partially-schematic units in the code-mixing of an English and German speaking child. *Linguistic Approaches to Bilingualism*, 2018, vol. 8, issue 4, pp. 477–501. DOI: <https://dx.doi.org/10.1075/lab.15049.qui>
18. Serratrice L. What counts as the baseline in child heritage language acquisition? *Bilingualism: Language and Cognition*, 2019, vol. 1-2. DOI: <https://dx.doi.org/10.1017/S1366728919000518>

19. Soler J., Zabrodskaya A. New spaces of new speaker profiles: Exploring language ideologies in transnational multilingual families. *Language and Society*, 2017, vol. 46, issue 4, pp. 547–566. DOI: <https://dx.doi.org/10.1017/s0047404517000367>
20. Swanson H. L., Saez L., Gerber M. M. Growth in literacy and cognition in bilingual children at risk or not at risk for reading disabilities. *Journal of Educational Psychology*, 2006, vol. 98, issue 2, pp. 247–264. DOI: <https://dx.doi.org/10.1037/0022-0663.98.2.247>
21. Zabrodskaja A. Language strategies for trilingual families. Parents' perspectives. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2016, vol. 19, issue 3, pp. 341–345. DOI: <https://doi.org/10.1080/13670050.2015.1026646>
22. Verschik A. Mixed copying in blogs: Evidence from Estonian-Russian language contacts. *Journal of Language Contact*, 2016, vol. 9, issue 1, pp. 186–209. DOI: <https://dx.doi.org/10.1163/19552629-00901008>

Submitted: 12 October 2019

Accepted: 08 November 2019

Published: 31 December 2019

This is an open access article distributed under the [Creative Commons Attribution License](#) which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).